

СВЕТОНОСНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Валентин Распутин. Рассказы. Журнал «Наш современник», № 7. 1982.

угадывать, есть один («Не могу-у!»), нет, два («Век живи — век люби»), сбрасывающие нас в темную нишу, яму, которая тоже в самом человеке. Вдруг обнаружится, приоткроется. В яму, над которой люди умеют, принаровились жить безмятежно, ходить, разгуливать, почти не замечая, — как в перерыве ради каких-то вроде бы строительных дел дворе.

Да, сюда, в выгнившую нишу, в яму, заглядываем мы вместе с Распутиным. Заглядываем и вместе с ним мучимся несогласием с тем, что Человек может «кончиться». Потому что и «Не могу-у!», и весь «цикл» новых рассказов Распутина прежде всего о том, что над нами, людьми. В нас, но как бы над нами.

Человеку дано выбирать самого себя. Такого или такого. Какой же он, человек, по Распутину, по его новым вещам? А точнее — каковы возможности, пределы человеческие?

«Век живи — век люби»... Оно как подсказка — заглавие рассказа. Тут и радостное утверждение известного человеческого устремления, и горечь от сознания открытия (мальчишка Саня, герой рассказа, не первый тут и не последний), что лучше на капкан наступить в тайге, чем оказаться рядом с дурным человеком (и разве в тайге только?!).

У мальчишки удивительный день «первого выхода» не только в тайгу за ягодами, но как бы в самую жизнь.

А что, собственно, произошло-то? Ну, не знал Саня, что оцинкованное ведро не годится под ягоду, под голубицу, которая за ночь «пустит сок» и можно отравиться. Ну, не обратил Митяй внимания, какая у Сани посуда, а «дядя Володя», тот очень даже обратил, заметил, знал это, но дождался момента, когда ведро будет полно ягод, а душа мальчишки будет полниться счастьем и восторгом. Чтобы тут его и огоршить: «Нельзя ее варить. И есть ее нельзя... Кто, какой дурак...» И так далее.

Все дело в том, что и Саня — в тайге, в этом своем первом выходе в самостоятельную жизнь, — и мы, читая рассказ Распутина, приобщаемся к чему-то солнечно-высокому, нисходящему на человека словно с небес, а на самом деле — с вышей, которые в самом же человеке и существуют, и после вот этого — будто в горах ногу неверно поставил, разбежавшись от чувства легкости и восторга, не сыпучую почву ступил, и тебя вдруг рвануло, потащило вниз.

И Саню вот так рвануло, потащило: «Саня снились в эту ночь голоса... И все они шли из него, были частью его растревоженной плоти и мысли, все они повторяли то, что в растерянности, в тревоге или в гневе мог бы сказать он.

Он узнавал и то, что мог бы сказать через много-много лет. И только один голос произнес такое, такие грязные и грубые слова и таким привычно-уверенным тоном, чего в нем не было и никогда не могло быть.

Он проснулся в ужасе: что это? кто это? откуда в нем это взялось?»

Такая осыпь под ногами тем опасней, чем выше забрался человек. А в рассказах В. Распутина главное как раз ощущение этого — высоты, той, которую как раз и называют «горней». И человек в них — существо, себя самого удивляющее — глубинами, просторами, которые в нем сокрыты. И вдруг распахиваются. Существо светоносное. Назовем это так. Синонимов сему было бесчисленное количество за историю человечества и литературы. Людям снова и снова становилась необходимее всего на свете вера в самих себя, а значит, и поэтизация человека и его возможностей.

Вот и новые рассказы Распутина — они истово верующие в человека (хочется именно так их определить). Но если это поэтизация, то особенная: писатель видит человека всего — и «горнего», и самого что ни есть «низинного».

Вот и в рассказе «Что передать вороне?» над реальностью повседневного человеческого существования как бы вдруг приподнимается полог...

На этот раз — через общение с ребенком, через игру в сказку о вороне, которая, как добродушно-болтливая соседка, все видит, подмечает и передает отцу о каждодневных «прегрешениях» и тайнах девчурки.

Тоненькая вначале ниточка предчувствия расплаты за свою вину перед ребенком выводит рассказчика к нехоженым тропинкам в самом себе — таинственным, запутанным.

Освобождение от себя прежнего и наполнение собой — новым, другим, высшим, а точнее, высвобождение этого «высшего» совершается с неотвратимостью наступления утра, или ночи, или дня. Это такая же реальность, как и Ангара, и Байкал, и небо над ними. «И все тише и тише становилось во мне, все покойней и покойней. Я не ощущал себя вовсе, всякие внутренние движения сошли из меня. Но я продолжал замечать все, что происходило вокруг, сразу все и далеко вокруг, но только замечать. Я словно бы соединился с единым для всего чувствующим и остался в нем. Ни неба я не видел, ни воды и ни земли, а в постоянном светоносном мире висела и уходила в горизонтальную даль незримая дорога, по которой то быстрее, то тише проносились голоса. Лишь по их звучанию и можно было определить, что дорога существует, — с одной стороны они возникали и в другую уносились».

Потом, в рассказе «Наташа», он будет летать — исследует

«дороги» эти, так сказать, руками-ногами, а пока лишь на слух воспринимает себя самого, вслушиваясь, свои «пространства» обзоревая.

Предчувствием и тревогой окрашено всё в рассказе, поэтическая таинственность разлита в нем, как свет. Но мир реален, и человек в нем, и его тревоги — тоже реальность.

Как сказано напрямую в «Наташе»: «...Все разгадать нельзя, да и не надо: разгаданное скоро становится ненужным и умирает, погубив таким образом немало самого замечательного в своем мире и ни-сколь-ко этим не обогатившись: мы снова с детской непосредственностью и необремененностью потянулись к предчувствиям и ко всему тому, что к ним близко».

В рассказе «Наташа» «светоносность» человеческого существа (или сущности человеческого) утверждается даже сюжетно, ситуационно. Ситуация более чем реальная: больница, медсестра Наташа, которую рассказчик откуда-то знает, помнит, вот только не может сразу сообразить, в связи с чем помнит... «Уходя, Наташа не выдержала и в дверях, пропустив вперед врача, оглянулась с робкой обнадеживающей улыбкой, словно подтверждая, что да, я не ошибся, это она и есть».

Так что же это? Девушка из сна или реальная медсестра Наташа, но которая помнит чужие сны?

Ну что же. В литературе что только невозможно! И все вроде бы было, случалось.

Новое, действительно новое здесь — подчеркнутое чувство реальности происходящего. Реальность страстно утверждаемой художником нашей человеческой неисчерпаемости. Привычное, ставшее расхожим утверждение «Человек — это целая вселенная» у Распутина как бы исследуется. Через полет по просторам этой самой бескрайней человеческой вселенной. Как-никак век космических путешествий, исследования! Но главное здесь — не любознательность, а тревога. За человека, человечество.

Как говорит сам писатель в интервью, которое напечатала недавно «Комсомольская правда»: «В чем истина-то? Наверное, в том, что не может для человека и человечества оказаться злой насмешкой жизнь, если есть в ней Матёра — душа людская. Если есть в ней так много всего — добра, света, счастья...»

«Если дальше ничего не будет, то зачем это было?» — несогласно спрашивает рассказчик («Наташа»), зачем-то все это в человеке есть, было дано ему — столько добра, света?

В этом же интервью писатель сказал (и это в рассказах его вычитывается): «Истина, по-моему, в том, что человек вечен на земле. А человечество — не случайно»...

А. АДАМОВИЧ

— ЧИТАЛИ новые рассказы Распутина? Не читали?!

С завистью спрашиваем: не читал человек — значит, ему предстоит огромное наслаждение, еще одно открытие удивительного таланта. Конечно, рассказы эти существуют собственной силой и глубиной. И все же (у меня, во всяком случае) особенное доверие к ним еще и от того, что впереди, ранее Наташи и всего, что происходит с рассказчиком и вокруг него в новых вещах Распутина, уже прошли перед взором нашим Дарья и Настёна, а зверек-Хозяин с затопляемого енисейского острова, так он, кажется, и не убежал никуда, невидимый и всевидящий, мягко трется о все углы, о наши ноги...

Ничто другое давно уж не будило такого детски наивно-энтузиастического, испуганно-счастливого согласия с тем, что вычитываешь в «книжке».

Не знаю, задумывались ли эти рассказы как «цикл», где каждый существует в созвучном соседстве, но воспринимается публикация в «Нашем современнике» именно так. Внутренне противоборствующие, но и зовущие, окликающие одна другую темы — как в сложном музыкальном произведении.

Среди рассказов, возносящих нас к самым высям, которые в человеке можно лишь